

СМИ по–прежнему не замечают структур гражданского общества

Михаил БОГОМОЛОВ, директор Центра общественных связей "Гражданин"

Год назад, на прошлом семинаре, я говорил о том, что понятие "гражданское общество", по моему мнению, пустой знак. Есть просто общество. И там есть государственный сектор, коммерческий сектор, гражданский сектор, частная жизнь каждого человека. И адекватность реакций этих секторов друг на друга и адекватность каждого субъекта в этом обществе создают нормальное общество. Наше общество на сегодняшний день, на мой взгляд, одно из наиболее ненормальных.

Ситуацию, в которой находится сегодня гражданский сектор в России, можно описать с помощью эмблемы, которую придумал для своего Фонда защиты гласности Алексей Кириллович Симонов, – черепаха, которая тихо–тихо ползет к тому идеалу, который наметил себе Фонд защиты гласности, то есть к полностью защищенной гласности. Если давать гражданскому сектору какую–то эмблему, то надо изобразить эту черепаху еще с двумя ядрами, прикованными к задним лапам. Но ползти–то все равно надо. И она ползет и ползти будет. Такая грустная ситуация с гражданским сектором сложилась потому, что он распадается на три части, совершенно не равных и находящихся в абсолютно неравных условиях.

Первая часть – это общественные организации, которые приватизированы государственным сектором. Государственный сектор создает собственные общественные организации, которые трудно назвать общественными, скорее это псевдообщественные организации. Причем, насколько я знаю, только в нашей стране есть такое дивное образование, как государственно–общественная организация. Это различные фонды помощи кому–нибудь, например, соотечественникам за рубежом. Кто такие "соотечественники за рубежом" мне, например, не очень понятно.

Вторая часть гражданского сектора состоит из организаций, тесно связанных с коммерческими структурами. Это тоже, как правило, фонды, через которые прокручивают деньги. Эти организации не несут никакой общественной нагрузки, не выполняют общественных функций.

И третья, самая маленькая, самая, пожалуй, слабая часть, находящаяся в наиболее тяжелых условиях, – это честно работающие общественные организации. Работающие не за деньги, не за близость к власти, которую опять же дают деньги, а работающие на идею. Таких организаций становится все меньше и меньше.

Наиболее сильное наступление государства на гражданский сектор началось еще в 1997 году. Именно тогда Президент Ельцин издал указ о поддержке правозащитных организаций. И упомянута в этом указе была только одна общественная организация – "Московская Хельсинкская группа". Вокруг этого момента закипели страсти, правозащитное сообщество раскололось, стало распадаться на тех, кто за сотрудничество с государством, на тех, кто против, и на тех, кто колебался. Потом, в 1998–1999 годах, была история с перерегистрацией, в ходе которой массу правозащитных организаций, именно правозащитных, под разными предлогами, чаще всего надуманными, выдуманными и незаконными, не перерегистрировали, они перестали существовать как юридические лица.

И этот процесс подминания общественных организаций государственными и коммерческими структурами шел в полной тишине. Средства массовой информации как будто не замечали того, что происходит. Я тут как–то пролистал несколько наиболее социально ответственных газет за последние полгода и увидел, что

общественные организации практически не упоминаются. Даже если материал посвящен какой-то акции, которую осуществили общественные организации, все равно речь будет идти только о самой акции, а о том, кто ее задумал и сделал – ни слова. Таких примеров огромное количество.

Поскольку я директор Центра общественных связей, я помогаю общественным организациям выходить на средства массовой информации. Недавно я помогал делать передачу на московском телевидении о московских сиротах. И было запланировано выступление председателя Московского отделения Международного общественного информационно-просветительского движения "Добро – без границ" Светланы Бочаровой. Мы с ней все подготовили, с редактором обсудили, и вдруг редактор говорит: "А не нужно упоминать что это какое-то там движение "Добро без границ". Мы не знаем этого движения". Мы ответили примерно в том плане, что мы хотим, чтобы люди знали, что это движение занимается проблемами сирот, помогает семьям, которые берут их к себе. "Нет, а вот у Вас, Светлана Евгеньевна, есть еще какое-нибудь звание?". Она говорит: "Есть. Я действительный член Международной академии информатизации, зарегистрированной при ООН". Редактор обрадовался: "О! При ООН – это серьезно". Бочарова говорит: "Академия – такая же общественная организация, как и мы" – "Нет-нет, Академия – это серьезно". (Хотя это, надо сказать, абсолютно несерьезная организация.) Мы настояли, конечно, чтобы движение "Добро без границ" было названо, но симптоматично, что журналисты не хотят говорить о том, что это общественная организация.

И последнее, об адекватном гражданине. Адекватным может быть гражданин, который либо обладает всей полнотой информации о ситуации, либо знает, где взять эту информацию. А подавляющее большинство наших сограждан имеет либо мало информации, либо искаженную информацию. И об это надо говорить на всех уровнях.